

Александра Вранеш Лиляна Маркович



Гоголь и Тургенев в сербской периодике

В сербской издательской деятельности в первой половине XIX века главенствовали книги, предназначенные для широкой читающей публики. Оригинальная сербская литература только начинала развиваться и в то время не могла «<...> состязаться с религиозными песнопениями, сонниками, гадательными книгами, сентиментальными драмами, поучительными сборниками, рыцарскими романами и другими формами сентиментальной литературы, которая соответствовала духу и менталитету жителей маленьких городков на обоих берегах Савы и Дуная» [Поповић, 1975: 26]. В этом смысле перед переводной литературой стояла задача способствовать развитию читательского вкуса публики и оказывать влияние на развитие оригинального сербского литературного творчества. Йован Суботић публикует с продолжениями текст «Несколько слов для сербских писателей» с советами, как добиться полного эффекта от написанного слова, с постановкой двух целей: «<...> совершенство самого письма и благодатного действия на народное просвещение»¹, но сербским литераторам «...вельми много надобно трудиться, чтобы народ просвещался, не рассчитывая, что науки будут сами преуспевать»². В противном случае литература будет «<...> просто будет музыкальным оркестром, который издаёт прекрасные и сладчайшие звуки, но публика у неё глухая»³.

Обилие исторических и культурных событий отражалось в сербской печати XIX века, которая, по словам Й. Скерлича, была «выражением духовных течений» и предлагала «несколько больше, чем ежедневные новости

¹ *Суботић Ј.* Неколико речи за српског списатеља // Сербски народни лист. 1841. № 13. С. 101.

² На истом месту. С. 103.

³ На истом месту. № 15. С. 118.

и обычные развлечения»¹. И сам Скерлич приводил слова одного из зачинателей сербской журналистики Димитрия Фрушича, что «она, во-первых, самое лёгкое, первостепенное средство побуждения к чтению книг, размышлению и прогрессу в цивилизации и литературе». Появление сербских газет и журналов, было ли это за рубежом или в самой Сербии, способствовало укреплению духовного центра сербского народа. В этом была причина того, что сопротивление государственных властей затрудняло открытие сербских газет, а непрерывное вмешательство в редакционную политику и характер публикуемых текстов не позволяло им долго существовать.

Параллельно с политическими изданиями, которые после революционного 1848 года возникали повсеместно, во второй половине XIX века появляются издания, предназначенные для развлечения, а также науки и литературы. Среди первых, как «издание либеральных идей» появляются «Шумадинка» Любо Ненадовича (Белград, 1850, 1852, 1854–1857), «Војвођанка» Милорада Медаковича (Земун, 1851), «Даница» Джордже Поповича (Нови-Сад, 1860–1871), «Огледало србско» Йована Хаджича (Нови-Сад, 1864). «Объединённая сербская молодёжь», деятельность которой венгерские власти запретили в 1872 г., учредила издание «Млада Србадија», редактором которого был Йован Хаджич, а спустя два года и «Даницу», редактором которой сначала был Джордже Райкович. У журнала «Јавор, лист за забаву и науку», который издавал Йован Йованович-Змай (Нови-Сад, 1862–1863) было больше литературных приложений, чем у «Даницы». «Объединённая сербская молодёжь» также покровительствовала литературным журналам «Вила» Стояна Новаковича в Белграде (1865–1868) и «Матица» Йована Хаджича в Нови-Саде (1866–1870). Светозар Милетич в «Заставе» (1866–1911) высказывает радикальные идеи о перевороте. Начиная с 70-х годов, сербские периодические издания начали выходить и за пределами Австро-Венгрии и Сербии, бывшими ранее их территориальной исходной точкой.

Как в то время сербская библиография направляла развитие литературы и каково было её влияние на распространение славянских идей и регистрацию присутствия русских авторов? Писатели отмечали русскую беллетристику, которая «не только превосходит другие славянские литературы, но и соперничает с литературой самых просвещённых европейских народов: с французской, английской и немецкой». И так сербы недостаточно хорошо знакомы с произведениями великанов русской литературы, Достоевского, Толстого, Щедрина, Успенского, Данилевского, Гоголя. Редакция журнала «Јавор» приняла решение под рубрикой «Из славянских литератур» публиковать «новейшие и важнейшие литературные произведения всех народов великого славянского племени». Одновременно редакция знакомит наши периодические издания со славянской периодикой, которая «уже давным-давно публикует такие заметки». Кроме того, «Јавор» выражает и надежду, что таким образом подтолкнёт и остальные журналы «меньше заниматься заметками про иностранные литературы, французскую, немецкую, венгерскую и т. д., меньше представлять и рекомендовать эти книги, а склониться и к славянским книгам, их представлять и рекомендовать, поскольку они

¹ Скерлић Ј. Историјски преглед српске штампе: 1791–1911. Београд, 1911. С. 5.

и по духу, и по крови, и по языку нам ближе, намного ближе, чем французские, немецкие и венгерские»¹. Поэтому обзоры по русской, чешской и словенской литературам, а несколько позже и по хорватской, польской и болгарской становятся регулярными публикациями в каждом номере.

Если более ранние библиографии возникали с желанием представить читателям иностранные литературы, а сербских писателей сориентировать на перевод художественно ценных произведений, те, кто издаёт журнал «*Стражилово*», занимаются переводной литературой. Призывая читателей и писателей к сотрудничеству, редакция «*Стражилово*» в статье «*Славянская поэзия в нашей литературе*»² в качестве главного мотива своей деятельности приводит следующий аргумент:

<...> каждый добросовестный переводчик сразу же, ещё до начала работы, должен задаться вопросом, а не переведена ли уже эта вещь, и как переведена, и где (в хорошем или плохом, известном или неизвестном журнале) этот перевод увидел свет?

Поскольку старые номера периодики бывали труднодоступны, и, чтобы избежать дублирования переводов, журнал «*Стражилово*» принял решение публиковать библиографические новости, которые могли бы однажды стать материалом для отдельного исследования. В качестве источника для исследования переведённых прозаических и поэтических произведений, а также критики, биографий писателей, исследований о них и их писем, редакция определяет «Даницу» Джордже Поповича, «Јавор» Змая и Огняновича, «Вилу» Стояна Новаковича, «Матицу», «Србадию», «Словинац», «Српску зору», «Стражилово», «Виенац», белградскую «Србадию», «Малу библиотеку» Нанчича, что не было окончательным выбором, – список можно было расширять в соответствии с пожеланиями и письмами читателей.

Одна из редких в этом тексте рекомендаций:

Названия следует переписать, буква по букве, обозначив рядом с названием произведения и имя писателя, переводчика, издателя, место и год издания³.

Для произведений, чаще всего стихотворений, которые напечатаны в газетах, «ошибка (которой теперь почти не бывает) в том, что во многих местах нет ни имени автора, ни полной подписи переводчика. В таких случаях мы просим привести хотя бы первые две строки текста. Здесь необходимо обозначить издание, сборник, календарь, к котором стихотворение вышло, а также упомянуть год и страницу, на которой стихотворение». Кроме уже упомянутых прозаических, поэтических и критических произведений, их интересуют и предисловия к переводам, изданным отдельной книгой, как, например, предисловия Мишкатовича к переводу Клары Миличивой, Трнскогo к «Евгению Онегину» Пушкина, П. Тодоровича к «Нови» Тургенева. Редакция «*Стражилово*» не оспаривает значение библиографий, которые сопровождают новые явления в иностранных литературах, но «это хорошо для литературы только тогда, когда в ней есть настоящая нужда, когда все упоминаемые писатели уже в ней известны, когда их произведения уже переведены и прочитаны. А так мы только слышим о Щедрине, Достоевском, Гончарове,

¹ Јавор. 1884. № 11. С. 93–94.

² Стражилово. 1888. № 4 (11). С. 171–173.

³ На истом месту. С. 172.

Немировиче, Данченко, Михайлове, Надсоне и т. д., а с произведениями всех этих писателей мы или вовсе незнакомы, или переведёнными случайно, отрывочно, без плана и обоснованного выбора». «Стражилово», как и «Зора» Дучича, вдохновенно призывает читателей, переводчиков, писателей, издателей, редакторов периодики к сотрудничеству, побуждая сербские издания с подобными призывами включиться в эту работу.

Уже начиная с номера 11, где это объявление было опубликовано, редакция «Стражилово» под заголовком «Русская поэзия в сербской литературе» начинает регистрировать составленную по хронологическому принципу библиографию 1860–1870 годов. В неё было включено 19 библиографических единиц из журнала «Даница»¹, 11 из журнала «Матица»² и всего 28 записей из различных сербских журналов («Невен», «Вечерњача»³ Джордже Райковича, «Завичај» Милан Джорджевича, «Србадија»⁴ Стевана Чурчича, венские и белградские журналы «Српска зора», «Млада Србадија» Хаджича, а позже Куюнджича). В журнале «Стражилово» постепенно, из номера в номер, увеличивается библиография переводной литературы.

Журналы, публиковавшие библиографические новости о славянских литературах, регулярно печатают и переводы с других языков, с языка оригинала и через языки-посредники. В каком объёме и насколько присутствуют Тургенев и Гоголь в сербских переводах в периодике XIX – начала XX века?

По мнению Томо Маретича, который в 1904 году опубликовал книгу «И. С. Тургенев в сербских и хорватских переводах», «<...> среди плодovitых европейских прозаиков нет ни одного, кого бы столько переводили на наш язык, как Тургенева» [Maretić, 1904: 3]. Сербская литературная публика могла прочитать Тургенева только в 1862 году, когда он уже более пятнадцати лет был знаменит, переведён на все европейские языки, особенно он стал известен благодаря французским переводам, его печатали тысячными тиражами [Maretić, 1904: 2]. В Европе он был известен как «<...> певец печальной кантилены русской деревни и крестьян, возносящейся "над дворянскими гнёздами", певец агонии этих гнёзд и тоски несправедливого человека посреди роскошной природы центральной России». [Стојнић, 1991: 135]. По данным

¹ В журнале «Стражилово» (номер от 17 марта 1888 года) описаны следующие переводы и критические материалы из «Даницы», которые включены в «Русско-сербскую библиографию» Александра Погодина: "Из Льермонтова, прев. Стојан Новаковић, стр. 614. – Каткад (по руском: "Каткад тако кад ме чемер свлада, Не љубим те, могу рећи теби"), прев. Стојан Новаковић, стр. 691. – Мати, с руског од Кукољника, стр. 10–53; 1865. год: Иван Грозни, роман А. К. Толстоја, стр. 127–678. – Смрт руског цара Павла, с руског превела Ц.М.Р., стр. 354, 381."

² В «Стражилово» (номер от 31 марта 1888 года, стр. 207) опубликованы неизвестные Погодину материалы из Матицы: Баћушков. Из Карактеристике руских песника, коју је написао А. Нукушенко, прев. Т. М. Матић, стр. 619.

³ Погодин, судя и по библиографической записи № 2951 (стр. 229 в первом томе «Русско-сербской библиографии»), которая сформулирована следующим образом: "Петушков. Приповетка. Вечерњача, 1881, бр. 6–10. Наведено према Стражилову 4 (1888), стр. 222", использовал библиографию «Русская поэзия в сербской литературе», которая выходила в журнале «Стражилово». Поэтому непонятно, почему у него отсутствуют упоминавшиеся в предыдущих примечаниях библиографические записи.

⁴ В журнале «Стражилово» (№ 14 от 7 апреля 1888 г., стр. 223) упоминается перевод, опубликованный в журнале «Млада Србадија», которого нет у Погодина: "1871: Званичников шињел. Од. Н. В. Гогоља. Превео Љ. Миљковић, стр. 38, 57, 75, 89."

библиографии Погодина сербские читатели познакомились с Тургеневым по переводу его романа «Дворянское гнездо» и как с переводчиком украинского писателя Марко Вовчка в журнале «Даница». Драммы и литературно-критические тексты Тургенева не привлекали сербских переводчиков так, как романы. До 1904 года только четыре его произведения не были переведены на сербский язык («Андрей Колосов», 1844; «Поездка в Полесье», 1857; «Собака», 1866; «История лейтенанта Ергунова», 1867). [Maretić, 1904: 4–5]. Исследователи констатируют:

Частично от того, что этот первый перевод был хорошо принят, частично из потребности приучать постепенно сербскую публику к наилучшим достижениям европейской литературы той эпохи, а частично из потребности поиска новых моделей интерпретации собственных тем, до конца того десятилетия, практически одно за другим, на сербском языке вышли почти все наиболее значительные произведения Тургенева: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Дым», «Накануне», «Отцы и дети» [Стојнић, 1991: 135].

Первые переводы из «Записок охотника» были опубликованы в 1862 году в журнале «Јавор» и в 1863 в журнале «Даница», опосредованно, с немецкого языка. Позже переводы публиковались в периодических изданиях «Матица» 1866, «Руски весник» 1867, «Вила» 1868, «Србадија» 1875, 1876, «Српска Зора» 1877, 1879, 1880, «Српска зора» 1878, 1880, «Побратимство» 1881, «Вечерњача» 1881, «Српске илустроване новине» 1882, «Јавор» 1879, 1880, 1883, 1884, «Матица» 1883, «Бранково коло» 1897, 1898, 1899, «Зора», 1897, 1899, «Стражилово» 1885, 1888, 1892.

Маретич анализирует переводы на сербский и хорватский языки и обнаруживает в них недостатки, которые являются следствием перевода с языка-посредника, немецкого или французского (за исключением перевода «Фауста» Тургенева, выполненного Боденштедтом) [Maretić, 1904: 5–6], ощущения избыточной близости между славянскими языками, когда предполагается, что сходные по звучанию слова должны иметь похожее значение, хотя часто значения сильно расходятся. Принимая во внимание все эти факты, Маретич приходит к выводу, что среди переводчиков на сербский язык выделяется Йован Максимович, по знанию синтаксиса и лексики русского и сербского языков. Особенно качественными переводами в сербской периодике Маретич считает «Воспоминания о Белинском» Тургенева (опубликовано в 1897 году в журнале «Бранково коло») и текста «Моя охотничья собака. Из воспоминаний И. С. Тургенева» (опубликовано в журнале «Зора»).

Похвала славному Тургеневу, «первому романисту Европы», опубликована в журнале «Даница», с намерением представить его талант повествователя, а также подчеркнуть его занятия недавней историей освободительных войн против турок на Балканах и демократическими революционными идеями, которые с радостью восприняла «Объединённая сербская молодёжь» («Уједињена омладина српска»). Помимо авторских переводов в сербских журналах читателю доступны также и ангажированные трактовки. «Тургенев – мечтатель», – в «Русском архиве» публикуется мнение Ремизова. А в журнале «Зимзелен» критик пишет:

Только так это можно было представить, и никак иначе!¹

¹ Зимзелен. 1895. № 71. С. 3.

Борьба за социальную, политическую, национальную и литературную свободу велась на страницах сербской периодики так же, как и в жизни, а переводы произведений Тургенева восполняли недостаточность оригинального сербского литературного творчества:

При этом первые сильные прорывы Тургенева в нашу литературу прокладывали путь пониманию и непосредственному восприятию художественной красоты его стиля, его грустной поэтичности и эстетизированной формы раздумий на универсальные человеческие темы и об отношениях между человеком и человеком, между человеком и людьми, человеком и природой, любовью и ненавистью, бытием, бытием и небытием, жизнью и смертью, свободой и необходимостью, гонителя и жертвы, иллюзией и действительностью, между этическими и эстетическими идеалами, духовной и физической красотой, духовным и материальным богатством и так далее [Стојнић, 1991: 137].

На страницах «Вестника Европы» за 1882 год в переводе Милана Данина публикуются «Стихотворения в прозе» Тургенева, которые в полном количестве (51) будут опубликованы в 1883 году на сербском языке в городе Велики-Бечкерек, а позже в переводах Ольги Койич-Глушчевич в 1922 году и Йована Максимовича в 1925 году. По подсчётам Милы Стойнич, в период с 1883 года, начиная с первых переводов стихотворений, до 1941 года, стихотворения Тургенева появлялись в сербской периодике 130 раз: например, стихотворение «Порог», из-за революционного и выражено этического пафоса жертвы за идеалы было опубликовано в 1885 году в газете «Нови београдски дневник», в 1887 году в газете «Ваљевске новине», в 1895 году в газете «Социјалдемократ», в 1896 году в изданиях «Застава» и «Мали журнал», в 1905 году в газете «Политика», в 1906 году в газете «Београдске новине», в 1908 году в журнале «Босанска вила», в 1925 году в газете «Самоуправа» [Стојнић, 1991: 140].

Стихотворение «Христос» публиковалось в рождественских приложениях газет. «Лирическая», герметичная «Роза» и «смиранный» «Пир у верховного существа», дидактическое «Враг и друг», элегическое «Как хороши, как свежи были розы», «Старуха», как и отдельные социальные стихотворения, публиковались по десятку раз, но их восприятие, невзирая на весьма тщательные переводы, осталось ниже ожиданий. Хотя форма стихотворения в прозе была охотно и сразу воспринята сербскими писателями, «безусловная патриотическая направленность», требования политического и национального освобождения, активный культурный подъём, всё это было призывом через Тургенева, потому что «<...> народ наш сегодня и внешне, и внутренне несвободен» [Зрнић, 1912: 51–55].

Душанка Перович писала:

Общеславянская идея попадала <...> на зыбкую почву и сталкивалась с реальными преградами, как только покидала сферу обобщений и приобретала форму конкретной акции более определённой политической программы [Перовић, 1982: 41].

Поэтому иногда в переводы сознательно, во имя политической корректности и защиты патриотизма, закрадывалась «ошибка». Например, из перевода «Записок охотника» выброшена фраза, в которой Тургенев о поверхностных поклонниках искусства говорит, что они, в основном, большие

патриоты. В то время рядом со словом «патриот» не могло быть ничего плохого [Перовић, 1982: 42].

И Гоголь, в несколько иных временных рамках, привлекал внимание переводчиков и сербской читающей публики. Витомир Вулетич интерес к Гоголю в сербской литературе делит на три фазы: 1858–1868; 1868–1875 и 1878–1883 годы.

В первой фазе решающее влияние оказывала сербская периодика, то есть, её редакторы Антоние Хаджич, Джордже Попович-Даничар, Медакович. Как только, что следует из письма Джордже Поповича Антоние Хаджичу, Медакович получил произведения Гоголя и Лермонтова, в журнале «Седмица» начинается публикация перевода повести Гоголя «Ночь перед Рождеством». Первым же по времени (1849 год) стал перевод «Сорочинской ярмарки» для журнала «Новине србске». В журнале «Јавор» Й. Йовановича-Змая в № 28 за 1862 год публикует повесть Гоголя «Утопленница» в переводе Стояна Новаковича.

«Даница», раскрывшая свои страницы для Тургенева, делает это и для Гоголя. Уже в 1863 году «Даница» публикует несколько его повестей. С одной стороны, представитель славянофильской России, с другой стороны, надёжный патриот и автор произведений социальной направленности, Гоголь при этом является автором, предпочтительным для «Даницы», при этом интересен и как автор, открывающий серию «Забава Србкињама».

Публиковали Гоголя и журналы «Матица» и «Вила». «Вила» уделяет особое внимание «Ревизору» и подогревает интерес сербской литературной публики в готовящемся переводе на сербский, который позже публикуется в «Руже» за 1868 и 1869 годы. Ватрослав Ягич в очерке «Обзор хорватско-сербской литературы за последние два-три года» включает в свой текст о переводе «Ревизора», опубликованном в «Данице». В том же 1866 году в «Данице» были опубликованы две повести Гоголя – сатирическая «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и романтически окрашенная повесть «Портрет». Поскольку «Даница» уделяла много внимания публикациям Гоголя, то в 1867 году там были опубликованы повести «Потерянное письмо» и «Коляска». В. Вулетич [1976: 37] свидетельствует:

К Гоголю в этой фазе его вхождения в сербскую культуру подходили с двух позиций: одни считали его идеальным представителем традиционной России как славянской православной страны, защитницы сербской свободы и гаранта освобождения и объединения всех сербов, другие рассматривали его как представителя новой России, настроенной революционно-демократически, той России, которая отинула славянство и православие как существенные отличия этого великого народа и стала искать наиболее прогрессивные пути революционного вращивания в европейскую общность.

На фоне доминирования материалистической философии и реализма как литературного направления Гоголь в сербской культуре становится одним из наиболее представленных иностранных авторов:

Реализм в сербской литературе неоднократно метафорически называли гоголевским направлением [Вулетич, 1976: 27].

И хотя в начале второй фазы своего бытования в сербском культурном пространстве не появляются важные новые переводы, но разрыва преемственности в процессе перевода нет, и, несмотря на драматические события в сербской политической жизни (убийство князя Михаила, Топчидерская скупщина), у Гоголя начинается жизнь на сербской театральной сцене. «Ревизор» в переводе Живоина Йовичича ставится в Народном театре в 1870 году.

Насколько «Ревизор» становится неизменным элементом театрального репертуара, свидетельствует и тот факт, что намного позже и в тяжелейших обстоятельствах этот спектакль состоялся в лагере для сербских военнопленных в Надоре (Тунис) 17 февраля 1918 года. Однако в начале сценической истории «Ревизора» сербская периодика не публикует отклики сербских революционных демократов, потому что они считают театр «господским» искусством. Гоголя переводят сербские писатели, которые хотят ускорить включение сербской литературы в реалистические течения: Милован Глишич («Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка») и Лаза Лазаревич («Вий»). Второй период присутствия Гоголя в сербской культуре – это подтверждение его полного доминирования, потому что в этот период были переизданы или заново, или впервые переведены все его произведения:

В этой фазе ещё более ясно был выражен противоречивый подход к Гоголю у нас: теперь славянофилы и русофилы ставят под сомнение высокую художественную ценность произведений Гоголя, хотя не отрицают его таланта и универсальное значение; революционные демократы высоко ценят творчество Гоголя. [Вулетић, 1976: 49].

В третьей фазе бытования Гоголя в сербском XIX веке, которая завершается Тимокским восстанием 1883 года, отмечается роль журнала «Стражилово», в котором отдельным изданием в 1880 году Пера Тодорович публикует «Ревизора», а газета «Јавор» Илии Огняновича обращается к мировой литературной критике, где в двенадцати выпусках в 1882 году публикуется текст Проспера Мериме, а в 1883 года текст Ойгена Цабеля о Тургеневе с упоминанием Гоголя. И далее журнал «Застава» в 1883 году в рубрике «Ежедневные новости», журнал «Српств» (Вршац, 1883 год) указывают на большое значение Гоголя и Тургенева и подчёркивают их активное присутствие и влияние в сербской литературе.

Вулетић [1976: 49] о Тургеневе делает следующий вывод:

Исключительный чутъё на актуальность, выраженное на всех этапах его творчества, и тогда, когда творческое воображение было не в состоянии преобразовать «сырой жизненный материал» в сильные художественные картины, и тогда, когда это случалось. Романы и повести Тургенева не являются заменой истории, философии или политики, это художественные произведения, в которых отражаются и история, и философия, и политика.

Целые поколения восторгались Тургеневым и Гоголем. Сербская литература и сербская литературная периодика не были в этом исключении. Влияние, которое Тургенев и Гоголь оказывали на сербских писателей и сербских читателей, было большим и непрерывным.

Литература

- Вранеш А.* Библиографија. Београд, 2013.
- Вулетић В.* Н. В. Гогољ и српска књижевна оријентација пре једног века // Зборник за славистику. 1976. № 10. С. 27–61.
- Вулетић В.* Тургењев и уметничко осмишљавање савремености // Славистика. 2013. № 17. С. 13–26.
- Maretić T. I. S.* Turgenjev u hrvatskim i srpskim prijevodima. Zagreb, 1904.
- Перовић Д.* О првим преводима Тургењева // Зборник за славистику. 1981. № 21. С. 8–44.
- Погодин А.* Руско-српска библиографија: 1800–1925. Београд, 1936.
- Поповић М.* Романтизам: прва књига. Београд, 1975.